

УДК 821.111

*Н.В. Котова***“WHAT I WILL SAY”: ПЕРЕЧИТЫВАЯ “THE APPARITION” ДЖОНА ДОННА**

В статье рассматривается одно из ранних стихотворений английского поэта-метафизика Джона Донна “The Apparition”, известного в русских переводах как «Призрак» или «Посещение». Сюжет драматически обрабатывает штамп поэтов-петраркистов: герой убит равнодушием своей возлюбленной, а его «посмертная» месть призвана проучить недалёковидную героиню. Лирический герой не просто описывает свое гипотетическое появление в спальне возлюбленной в виде призрака, но сам для себя визуализирует этот акт наказания возлюбленной и через творческую сублимацию приходит к отрицанию своей любви. В ходе анализа отмечается, как аффективное влечение преобразуется в дидактически-иносказательный поэтический ряд с формированием оппозиции мужское / женское, трансцендентное / имманентное, активное / пассивное. Риторика власти и поэтика доминанции обуславливают значимость мужского слова и мужского влияния, представляют мужчину как субъект и абсолют, а женщину как объект и зависимое существо. В новом прочтении культурно-исторически детерминированная барочная обработка традиционного сюжета дополняется внеисторической интерпретацией утверждения мужского доминирования в любовных отношениях.

Ключевые слова: Джон Донн, петраркизм, традиция, барокко, любовная лирика.

Любовная лирика Джона Донна (*John Donne*, 1572–1631), поэта-елизаветинца, современника Шекспира, а впоследствии известного проповедника, «не копировала ни жизнь, ни природу» [12. С. 194]. Метафорически изолированные сюжеты поэта-метафизика были далеки от аристотелевской формулы. Не предназначенные для публикации, тонко эротические, многослойные, отталкивающие и притягивающие одновременно, его любовные стихи создавали далекий от гармонии, интеллектуально и эмоционально насыщенный мир интимных переживаний.

Стихотворения Донна о любви собраны в отдельном, посмертном, издании «Песни и сонеты» (*Songs and Sonnets*, 1635), в котором перед читателем предстает многоликий лирический герой, воссозданный при помощи «необычайного разнообразия поэтической интонации» в «чрезвычайном многообразии ситуаций и настроений» [3. С. 369, 370]. По-барочному эмоционально и поэтически пронзительно писал о любви сам Донн, и столь же воодушевленно и страстно пишут о любовной лирике его почитатели. Для отечественной критики знаковыми работами в данной области изучения стали труды С.А. Макуренковой (1994), Вяч.Вс. Иванова (1997), И.О. Шайтанова (1998), А.Н. Горбунова (1989, 2009). Англоязычная критика несравненно богаче в количественном и хронологическом отношении: сохранились воспоминания и биографические работы таких современников Донна как Бен Джонсон (1619) и Исаак Уолтон (1639), литературно-критические рассуждения Джона Драйдена (1693) и Самюэля Джонсона (1778); современным специалистам по творчеству Донна принадлежит объемный корпус диссертационных и иных научных исследований, подтверждающих неугасающий интерес к наследию автора, в том числе к его любовной лирике.

Для русскоязычного читателя Донн был открыт сравнительно недавно: «один из первых переводов из метафизиков – перевод стихотворения Донна «Посещение» (*The Apparition*) – был процитирован в 1966 г. в статье А. Аникста «Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы» без указания автора перевода» [10; 8. С. 171]. Целью данной статьи является рассмотрение этого раннего стихотворения поэта. Как единодушно полагают критики, «The Apparition» драматически обрабатывает петраркистскую метафору: «комически овеществляет образ отвергнутого и убитого горем возлюбленного... доводя ситуацию до гротеска» [3. С. 373] и представляет собой «затейливую арабеску, построенную на нетрадиционном развитии общеевропейских топосов» [7. С. 127]. Данное стихотворение, в отличие от других стихов Донна, менее рационально, более эмоционально и даже мелодраматично. Возлюбленная отказала лирическому герою, – но эта ситуация, хотя и порождает конфликт и драматизм, не является единичной, уникальной или особенной с позиции универсальных законов взаимоотношений мужчины и женщины. Донн превращает этот банальный сюжет в разоблачительное и назидательное повествование, создавая метафизический сюжет. В нашем прочтении культурно-исторически детерминированная барочная обработка традиционного сюжета поэтов-петраркистов дополняется внеисторической интерпретацией утверждения мужского доминирования в любовных отношениях.

Композиционно стихотворение выстроено четко и логично. В одну строфу из 17 строк Донн вмещает целую историю. Хотя экспозиции как таковой нет, но она подразумевается: лирический герой настойчив в проявлениях любви, возлюбленная одаривает его презрительным отказом и тем самым доводит его до вынашивания плана возмездия. Завязка прописана в первой, условной, части стихотворения:

*When by thy scorn, O murd'ress, I am dead,
And that thou think'st thee free
From all solicitation from me,
Then shall my ghost come to thy bed,
And thee, feign'd vestal, in worse arms shall see.* [11. P. 69].

Когда твоим презрением, о душугубка, я буду умерщвлен,
И ты подумаешь, что ты свободна
От всех моих притязаний,
Тогда придет мой призрак к твоей постели
И тебя, притворная весталка, увидит в худших объятьях.
(здесь и далее подстрочный перевод наш)

Развитие действия в этом гипотетическом будущем одновременно физиологично и метафизично, банально и сверхприродно. С участниками событий произошли метаморфозы: лирической герой стал призраком (он убит презрением возлюбленной), а возлюбленная – уже не прежняя гордячка и недотрога, а вполне земная женщина, делит ложе с соперником лирического героя:

*Then thy sick taper will begin to wink,
And he, whose thou art then, being tir'd before,
Will, if thou stir, or pinch to wake him, think
Thou call'st for more,
And in false sleep will from thee shrink,* [11. P. 69].

Тогда твой слабый свет начнет мерцать,
И тот, кто был утомлен твоим искусством,
Если ты его пошевелишь, или ущипнешь, чтобы разбудить, подумает,
Что ты требуешь большего,
И в притворном сне уклонится от тебя

Кульминационный момент наступит тогда, когда жалкая, незащищенная, оставленная наедине с призраком, в ужасе от присутствия потусторонних сил, возлюбленная уподобляется живому призраку: лежит и трепещет, обливаясь холодным потом:

*And then, poor aspen wretch, neglected thou
Bath'd in a cold, quicksilver sweat wilt lie,
A verier ghost than I.* [11. P. 69].

А затем ты, забытая, бедная трепещущая злодейка,
Будешь лежать, обливаясь холодным ртутным потом,
И будешь призраком более, чем я.

В финале стихотворения герой из гипотетического будущего возвращается в текущий момент: сейчас он не хочет говорить возлюбленной те слова, которые планирует сказать ей позже, при метафизической встрече, но заявляет, что его любовь прошла. А поскольку он хочет наказания за неразделенную любовь, раскаяния за неправильный выбор, заканчивает он скрытой угрозой:

*What I will say, I will not tell thee now,
Lest that preserve thee, and since my love is spent,
I'd rather thou shouldst painfully repent,
Than by my threat'nings rest still innocent.* [11. P. 69].

Что я скажу, тебе сейчас не расскажу,
Дабы не оберегать тебя, и поскольку моя любовь прошла,
Я бы предпочел, чтобы ты горько сожалела,
Чем под влиянием моих угроз осталась невинной.

В драматический, очень личный монолог лирического героя, вплетено чужое слово: Донн гротескно обыгрывает «типичную для традиции Петрарки ситуацию – недоступная дама обрекает героя на страдания, отвергнув его любовь» [3. С. 372]. Мотив «посмертной» мести возлюбленной, распространенный в западноевропейской поэзии эпохи Ренессанса, в стихотворении Донна призван проучить недальновидную героиню, а героя оставить победителем. Как отмечает ряд зарубежных исследователей [13; 15], эта своеобразная «любовная эсхатология», «синтез мотивов любви, смерти и справедливости» сближает стихотворение с неаполитанской лирикой XV в., в которой «смерть влюбленного из-за неразделенной любви трактуется как убийство, предупреждающее женщину, что у неё будут проблемы после такого избавления от возлюбленного» [13. Р. 317]. Но предшественники Донна по воспеванию жестокосердных женщин, не осмеливались сами наказывать возлюбленную, предоставляя право наказания высшим силам. В качестве подтверждения Д.Л. Гасс и Т. Редпат приводят ряд примеров из сонетов Бенедетто Каритео (*Benedetto Cariteo*, 1450–1514) и Серафино Аквилано (*Serafino Ciminelli dall'Aquila*, 1466–1500), сюжеты которых активно имитировали поэты во Франции и Италии, и которые превзошли сюжет Донна [13. Р. 317–320; 15. Р. 53–54].

Трактовка Донна весьма традиционна и осуществляется в русле петраркизма: поэт не выражается «более реалистично, более барочно или более бурно, чем его предшественники-петраркисты», а «картина жизни после смерти у Донна следует за сюжетами Серафино и Каритео» [13. Р. 319]. По мнению Д.Л. Гасса, оригинальность трактовки Донна заключается в «его драматическом воображении»: в активной визуализации сцены пришествия и в осмыслении чувств неподготовленной к визиту призрака женщины, но более всего в развитии эмоционального напряжения лирического героя, в его «озлоблении и муках ревности», в его желании отомстить за себя после смерти [13. Р. 319]. Сделаем акцент на новаторском элементе, который привнес Донн в трактовку известного сюжета, и в ходе стилистического анализа отметим как аффективное влечение преобразуется в дидактически-иносказательный поэтический ряд с формированием оппозиции мужское / женское, трансцендентное / имманентное или активное / пассивное.

Хотя действия лирического героя стихотворения “The Apparition” и гипотетичны, но они представляют его как личность, которой нельзя пренебрегать, мужчину, достоинство которого выше мнения женщины и даже любви к ней, человека, способного перевоплотиться в призрак, ради торжества своей правоты. Здесь налицо традиционная модель поведения представителя сильного пола, который не привык проигрывать, авторитета, который всегда прав, мужчины, который никогда ни в чем не уступит женщине. Портрета героя в стихотворении нет. Читатель не знает, кто он, каков его возраст, статус, внешние данные. Внимание поэта сосредоточено исключительно на его традиционной гендерной роли.

Представление образа лирического героя требует специфической пространственно-временной системы координат. Начало и финал стихотворения, имеют посюсторонний, но конкретно не обозначенный хронотоп. Для драматического монолога лирического героя место и время встречи с возлюбленной не имеет значения, он жаждет только одного: наказания за отказ, возмездия за презрение, а поскольку женщине мстить действиями недостойно, то появляется гипотетическая ситуация. Основное действие четко локализовано и соотносено с определенным временем суток. Ночью в спальне возлюбленной мерцает свеча, в её постели спит любовник, она лежит рядом с ним и чувствует, как угрызения совести, присутствие неведомой силы. Этот любовный треугольник выступает в качестве конфликтной ситуации только для женщины: её любовник спит и не ведаёт о более сильном сопернике, а сам соперник пришел, чтобы удостовериться в своей правоте и заставить женщину понять, как она ошиблась.

Лирический герой победил презрение бывшей возлюбленной, и сделал это в её святая святых, куда его ранее не допускали, в замкнутом пространстве спальни, где четко присутствуют два видимых предмета. Первый предмет – *sick taper* – тонкая, тусклая, мерцающая восковая свеча, определяющая и ночное время, время любви, и время прихода призраков. Свеча здесь не актуализирует смысла традиционной петраркистской метафоры «огня любви», её мерцание призвано обозначить присутствие призрака как часть сюжетной линии, а её слабый свет метафорически намекает на сла-

бость нового любовника лирической героини. Второй предмет – *thy bed* – «твоя постель», как говорит лирический герой. На ней – другой, но спящий мужчина, не способный любить так, как любил бы он, и она – жалкая, трепещущая, беззащитная и покинутая женщина. Отказавшись от любви лирического героя, возлюбленная потеряла и настоящую любовь, и настоящую мужскую силу, поэтому она поступает плохо не только по отношению к нему, но и по отношению к себе.

Все четырнадцать существительных стихотворения имеют негативную коннотацию: *scorn, murd'ress, sollicitation, ghost, wretch, threat'nings*, и даже такие нейтральные или традиционно положительно маркированные существительные как *bed, arms, sweat, vestal, taper, art, sleep, love* в контексте стихотворения приобретают отрицательный смысл: любовь прошла, искусство любви не востребовано, свеча мерцает, ложе – место преступления героини, а сама она – притворная весталка в худших объятиях притворяющегося спящим нового любовника.

Аналогичным образом одиннадцать прилагательных стихотворения характеризуются отрицательно: героиня свободна (*free*), но это иллюзия; она – притворная весталка (*feign'd vestal*), бедная трепещущая злодейка (*poor aspen wretch*), более призрачная, чем сам призрак (*a verier ghost than I*). Герой мертв (*dead*), объятия его соперника – хуже, чем его объятия (*worse arms*), свеча – угасающая (*sick taper*), сон – ложный (*false sleep*), пот – холодный, ртутный (*a cold, quicksilver sweat*), – потрясающая метафорическая характеристика, визуализирующая серебряные капельки пота на теле женщины, несущие эстетический эффект и имеющие порочную характеристику, т.к. во времена Донна ртутью лечили заболевания венерического происхождения; кроме того, за серебряным, блестящим цветом ртути скрывается её ядовитая природа, возможно иллюстрирующая холодность женщины. И финальное прилагательное – *innocent*, традиционно имеющее положительный смысл, намекает на утраченную невинность.

В семнадцати сроках стихотворения поэт употребил семнадцать глаголов действия. Они передают динамику реальных и воображаемых событий, насыщенность сюжета при сравнительно небольшом объеме стиха. Герой – активный деятель, хотя и в гипотетической ситуации, но он побуждает действия и в героине, действия, которые сам и навязывает: «ты подумаешь», «ты потребуешь», «ты будешь лежать, обливаясь потом» и т.д. Гипнотическое воздействие воображаемой в монологе героя сцены реализуется при помощи усложненного синтаксиса: придаточных предложений времени и условия, сравнений, многократных повторов союза *and* и союза *then*.

Для стихов Донна в целом характерны «краткость и точность, умение сказать все необходимое всего в нескольких строках» [2]. В очень ёмком стихотворении Донн тринадцать раз повторяет различные производные местоимения «ты» и семь раз – местоимения «я», чем подчеркивает и сюжетную значимость обоих образов (для сравнения местоимение «он», обозначающее соперника, употреблено лишь дважды), и четкое противопоставление себя, как героя бывшей возлюбленной, и, наконец, эмоциональность своего монолога, обращенного к возлюбленной. Логично, что местоимение «мы» в стихотворении отсутствует. Речь идет не о союзе, не о множественности, а о раздельности, отдельности, разобщенности.

В стихотворении три деятеля: сам лирической герой и его воображаемый призрак, его возлюбленная и её любовник. Лирический герой – сначала отвергнутый влюбленной, затем мстящий обвинитель и метафизический образ, воплощающий возмездие, а затем вновь прежний земной человек, но уже переживший любовь и дидактически указывающий на справедливое наказание. Героиня – сначала «убийца», презрительно относящаяся к герою дама, затем «притворная весталка», поначалу изображающая невинность, но вскоре изменяющая лирическому герою с другим, по мере развития сюжета, «жалкая трепещущая злодейка», уstraшенная присутствием призрака и совершенной изменой, и, наконец, «более призрак, чем я» – полумертвая, раскаявшаяся, в ужасе и холодном поту. Любопытно представлен соперник лирического героя. Его объятия не так крепки, он слабее, чем герой: не может ни защитить, ни по-настоящему любить героиню; в ситуации, требующей мужского (во всех смыслах) присутствия, он притворяется спящим. Поняв это, героиня станет раскаиваться, но будет поздно, и в этом – возмездие героя.

Стихотворение написано вольным ямбом, который формирует собственную семантику. Как отмечает Н.С. Гумилев: «У каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямб... свободен, ясен, тверд и прекрасно передает человеческую речь, напряженность человеческой воли» [4. С. 215]. Вольный же стих определяется как «стих с повышенной смысловой нагрузкой, которая деформирует его ритм и усиливает синтаксис, приближая его к разговорному языку, развивая в нем сказовую, выра-

зительную интонацию, выделяя при помощи коротких строк наиболее выразительные места» [9]. Любовной лирике Донна в целом свойственна разговорность интонации, напряженность, резкость, смысловая сложность, а мужская рифма – с ударением на последний слог в строке – придает стихам четкость, мужественность, завершенность, желание оставить последнее слово/ слог за собой. В угоду мужской рифме меняется ударение в последнем слове стиха *innocent* для рифмы с предыдущими словами строфы *spent* и *repent*.

Название стихотворения “The Apparition” переведено Г.М. Кружковым как «Призрак». И. Бродский дает перевод «Посещение». «Авторство заглавий Донна сомнительно, ибо они возникли в процессе подготовки стихотворений к печати после смерти автора», – пишет С.А. Макуренкова [7. С. 164]. В самом тексте слово *apparition* не фигурирует, а заменяется на *ghost*, слово с близким значением, употребляющееся дважды: первый раз для представления героя в виде призрака, а второй раз для описания состояния ужаса героини, уподобляющейся призраку. В качестве ещё одного варианта перевода можно рассмотреть вариант «Видение», в котором также актуализирована вышеозначенная семантика, кроме того, лирический герой не просто описывает свое гипотетическое призрачное появление в спальне возлюбленной, но сам для себя визуализирует этот акт наказания возлюбленной и через творческую сублимацию приходит к отрицанию своей любви. Поэтическая визуализация акта наказания – это своеобразное эмблематическое решение, отражение «барочного мышления, увлеченного сопряжением «далековатых идей», направляющее разум и риторику на познание иррационального» [10].

Барокко не подражает действительности, но создаёт новую действительность в более усложненной и причудливой художественной форме. Стихотворение Донна – не просто попытка укорить возлюбленную, заставить её пожалеть о своем презрительном отношении к герою, стихотворение Донна – это создание причудливой, сверхприродной ситуации, в которой укоры и разочарования приобретают устрашающий эффект. В акте творческой сублимации лирический герой находит выход из любовного кризиса: если в начале стихотворения он представляет себя убитым неразделенной любовью и презрением возлюбленной, то в финале он говорит, что «его любовь прошла», и, следовательно, было бы странно погибать от неё, о чем может догадаться читатель. Представив себе устрашающую сцену у ложа бывшей возлюбленной, её преступление и наказание, лирический герой сам окатывает её презрением, и уверовав в собственную значимость, исчерпывает конфликт: он действительно стал для возлюбленной лишь призраком и лишил её радостей своей любви. Для барокко характерно постулирование внутренней независимости личности, признание разума силой, помогающей противостоять негативным сторонам жизни. При всей своей «неправильности», «странности» и «причудливости» барокко очень рационально.

Представленные Донном в любовной лирике типы взаимоотношений мужчины и женщины многообразны, но они традиционно основаны на аристотелевском представлении о женщине как пассивной материи, а мужчине – как активной и властвующей силе, и всегда предполагают «укорененное в учении о Великой Цепи Бытия иерархическое различие между мужчиной и женщиной при их фундаментальном равенстве» [3. С. 376]. По мнению С. Ларокко, в ряде любовных стихов «Донн опускается до поэтики доминанции и смерти, в которых его симметрия скользит до утверждения власти и желания» [14. Р. 8]. Особая риторика власти и поэтика доминанции превращают традиционный сюжет “The Apparition” в прославление мужского слова и мужской значимости, в утверждение мужчины как субъекта и абсолюта. Это стихотворение о мужском мире, где женщина выступает как эротический объект, «у женщины нет существования-для-себя», она рассматривается как «функция в мужском мире» [1. С. 21]. Трансценденция героини, попытавшейся выбрать себя свободной, по воле героя впадает обратно в имманентность, она обречена на имманентность, её активная позиция не угодна мужчине. Женщина «не может *делать*, она вынуждена лишь *быть*» [1. С. 435]. Эта откровенно дискриминационная позиция не может быть высказана открыто, поэтому герой в финале заявляет: *What I will say, I will not tell thee now*. Так через традиционный сюжет и его гротескную трактовку, через барочную парадоксальность и метафизичность, просвечивает неизменное в веках мужское слово, традиция Аристотеля, елизаветинское мировосприятие, патриархальный взгляд на взаимоотношения мужчин и женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бовуар С. Второй пол. СПб.: Азбука, 2017. 928 с.
2. Горбунов А. Н. Предисловие // Английская лирика первой половины XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1989. URL: http://www.lib.ru/INOOLD/DONN/donne1_1.txt_with-big-pictures.html

3. Горбунов А.Н. «Другая оптика» – поэзия Джона Донна // Джон Донн. Стихотворения и поэмы. Под ред. А.Н. Горбунова, Г.М. Кружкова и др. М.: Наука, 2009. С. 347-412.
4. Гумилёв Н.С. Письма о русской поэзии. Петроград: Мысль, 1923. 224 с.
5. Джон Донн. Стихотворения и поэмы. Под ред. А. Н. Горбунова, Г. М. Кружкова и др. М.: Наука, 2009. 567 с.
6. Иванов Вяч.Вс. Джон Донн в XXI веке // Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 7 т. М.: 1999–2010. Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 470-489.
7. Макуренкова С.А. Джон Данн: Поэтика и риторика. М.: Академия, 1994. 218 с.
8. Снегирев И.А. Английские метафизические поэты в переводах Иосифа Бродского // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–2. С. 170-174.
9. Тимофеев Л. Вольный стих // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939. URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le2/le2-2881.htm>
10. Шайтанов И. О. Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский // Вопросы литературы. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/sh.html>
11. John Donne's Poetry. Ed. by D.R. Dickson. New York and London: W. W. Norton & Company, 2007. 439 p.
12. Johnson S. The Metaphysical Poets // John Donne's Poetry. Ed. by D. R. Dickson. New York and London: W.W. Norton & Company, 2007. P. 193-196.
13. Guss D. L. Donne's Petrarchism // John Donne's Poetry. Ed. by D. R. Dickson. New York and London: W.W. Norton & Company, 2007. P. 315-325.
14. Larocco S. M. Narcissus in the Other: John Donne, Woman and the Dynamics of Recognition. Huston, Texas: Rice University, 1993. 389 p.
15. The Songs and Sonnets of John Donne. Ed. by Th. Redpath. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2009. 400 p.

Поступила в редакцию 07.11.2018

Котова Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: nad-kotova@yandex.ru

N.V. Kotova

“WHAT I WILL SAY”: REREADING JOHN DONNE’S “THE APPARITION”

The article presents the analysis of “The Apparition”, an early poem by a great English metaphysical poet John Donne. The poem deals with a famous Petrarchan theme when a lover dies for unfulfilled love and his afterlife revenge is supposed to teach his short-sighted lady a lesson. The poem is not just a description of a ghost appearing in the lady’s bedroom and a visualization of the act of punishment, but a sort of poetical recovering from a break up by the means of imaginative sublimation. The analysis shows how affective impulse transforms into didactical and metaphorical poetic technique and forms the opposition male / female, transcendental / immanent, active / passive. Rhetoric of power and poetic of domination bring into focus the importance of a man’s word and his influence, introduce him as a subject, and treat a woman as an object and an inferior human being. In the new reading, the cultural-historical deterministic baroque treatment of the traditional plot is complemented by a non-historical interpretation of the statement of male domination in love relationships.

Keywords: John Donne, Petrarchism, tradition, baroque, love poems.

REFERENCES

1. Bovuar S. Vtoroj pol [The second sex]. Saint Petersburg, Azbuka, 2017, 928 p. (In Russian).
2. Gorbunov A.N. Predislovie [Preface]. Anglijskaja lirika pervoj poloviny XVII veka [English poetry of the first half of the XVII century]. Moscow, Moscow State University Press, 1989. URL: http://www.lib.ru/INOOLD/DONN/donne1_1.txt_with-big-pictures.html (accessed: 10.06.2018). (In Russian).
3. Gorbunov A.N. “Drugaja optika” – poezija Dzhona Donna [“Another optics” – John Donne’s Poetry]. Dzhon Donn. Stihotvorenija i pojemy [John Donne. Songs and Sonnets]. Moscow, Nauka, 2009, pp. 347–412. (In Russian).
4. Gumil'ov N.S. Pis'ma o russkoj poezii [Letters about Russian Poetry]. Petrograd, Mysl', 1923, 224 p. (In Russian).
5. Dzhon Donn. Stihotvorenija i pojemy [John Donne. Songs and Sonnets]. Pod redakciej A.N. Gorbunova, G.M. Kruzchkova [Edited by A. N. Gorbunov, G. M. Kruzchkov]. Moscow, Nauka, 2009, 567 p. (In Russian).

6. Ivanov Vjach. Vs. Dzhon Donn v XXI veke [John Donne in the XXI century]. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury: v 7 t. [Works on semiotics and the history of culture: in 7 vol.]. Moscow, 1999–2010. Sravnitel'noe literaturovedenie. Vsemirnaja literatura. Stihovedenie. T. 3 [Comparative Literature Studies. World Literature. Prosody. Vol. 3]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, pp. 470–489. (In Russian).
7. Makurenkova S.A. Dzhon Dann: Pojetika i ritorika [John Donne: Poetics and Rhetoric]. Moscow, Akademija, 1994, 218 p. (In Russian).
8. Snegirev I.A. Anglijskie metafizicheskie pojety v perevodah Iosifa Brodskogo [English Metaphysical Poetry in the Translation of Joseph Brodsky]. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University], 2011, № 2-2, pp. 170-174. (In Russian).
9. Timofeev L. Vol'nyj stih [Free verse]. Literaturnaja jenciklopedija: v 11 t. [Literary Encyclopedia: in 11 vol.], Moscow, 1929-1939. URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le2/le2-2881.htm> (In Russian).
10. Shajtanov I. O. Uravnenie s dvumja neizvestnymi. Pojety-metafiziki Dzhon Donn i Iosif Brodskij [Equation in two unknowns. Metaphysical poets John Donne and Joseph Brodsky]. Voprosy literatury, 1998, № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/sh.html> (In Russian).
11. John Donne's Poetry. Ed. by D.R. Dickson. New York and London, W. W. Norton & Company, 2007, 439 p. (In English).
12. Johnson S. The Metaphysical Poets // John Donne's Poetry. Ed. by D.R. Dickson, New York and London, W.W. Norton & Company, 2007, p. 193–196. (In English).
13. Guss D.L. Donne's Petrarchism // John Donne's Poetry. Edited by D. R. Dickson, New York and London, W.W. Norton & Company, 2007, p. 315–325. (In English).
14. Larocco S. M. Narcissus in the Other: John Donne, Woman and the Dynamics of Recognition. Huston, Texas, Rice University, 1993, 389 p. (In English).
15. The Songs and Sonnets of John Donne. Ed. by Th. Redpath. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2009, 400 p. (In English).

Received 07.11.2018

Kotova N.V., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Linguistic Theory,
Intercultural Communication and Foreign Literature
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nad-kotova@yandex.ru